РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В XX СТОЛЕТИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Вып. I

Новосибирск,
2003

ББК Т3 (2Р5)7
С 69

Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 1. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003. 324 с.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.Н. Колоткин,*
доктор исторических наук *А.А. Николаев*

Редакционная коллегия:
д.и.н. С.С. Букин (отв. редактор), д.и.н. В.И. Исаев,
к.и.н. А.И. Тимошенко (отв. секретарь)

В сборнике представлены новые методологические подходы к изучению социально-демографических процессов, происходивших в Сибири на протяжении XX столетия. Анализируются ключевые тенденции в развитии населения, его воспроизводстве, миграции и эмиграции, а также жизнедеятельности в условиях превращения региона из аграрного в индустриально-урбанизированный. Авторы исследовали значительный спектр проблем, позволяющих выявить взаимодействие социальных и демографических факторов, проследить динамику количественных и качественных изменений населения Сибири, отметить противоречия в социальной и демографической сферах жизни сибиряков.

Сборник адресован широкому кругу читателей – специалистам, студентам, учащимся, всем интересующимся историей Сибири.

Сборник издан в рамках проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 02-01-00317а
«Социально-демографические факторы освоения Сибири
в XX столетии»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию научной общественности сборник статей продолжает традицию разработки основной проблемы сибирской историографии – освоения и развития Сибири в контексте российской и мировой истории. В данном случае авторы сборника поставили перед собой задачу изучения ведущего фактора освоения Сибири – формирования и развития населения на территории региона. Развитие сложившейся традиции в сборнике выражается в том, что рассмотрение проблем социально-демографического фактора освоения Сибири предпринимается в рамках синтеза двух направлений исторической науки: социальной истории общества и исторической демографии.

Актуальность и научное значение изучения социально-демографических проблем освоения Сибири определяется современным состоянием российского общества, складывающейся новой геостратегической ситуацией для России, а также содержанием и уровнем научной разработки проблем освоения Сибирского региона.

В российской и мировой науке в настоящее время интенсивно обсуждаются геостратегические сценарии развития мира в XXI веке, в которых Сибири отводится одно из важнейших мест. Разработка перспектив дальнейшего освоения и развития сибирского региона диктует необходимость определения исходной базы, обобщения накопленного исторического опыта. В связи с усиливающейся интеграцией российской исторической науки в мировое научное сообщество возрастает актуальность исследования опыта освоения Сибири в контексте мировой истории.

В течение XX столетия в Сибири была реализована оригинальная модель создания и развития социально-демографического потенциала региона в процессе его освоения. Значение и особенности данной модели могут быть в полном объеме осознаны только в контексте российской и мировой истории, в частности, в результате сравнительного анализа освоения новых территорий в России, США, Канаде и других странах.

без каких-либо исключений. На колхозников и работников совхозов, в отличие от ряда категорий рабочих и специалистов промышленных предприятий, не распространялась система так называемого бронирования. Убыль сельского населения в результате тотальной военной мобилизации мужчин призывных возрастов дополнялась трудовой мобилизацией и другими формами извлечения из села в город жителей подросткового возраста. В результате глубокой военной и трудовой мобилизации мужского сельского населения резко изменилось соотношение мужчин и женщин в возрасте 16–54 лет. Так, например, в сельской местности Алтайского края по состоянию на январь 1945 г. на 100 женщин приходилось 27 мужчин указанных возрастов, с большим перевесом старше чем 50-летних. Из контингента эвакуантов в сельской местности размещались, преимущественно, беженцы, не представлявшие актуальной ценности для промышленных предприятий даже в качестве неквалифицированной рабочей силы, и численность таких категорий эвакуантов была весьма незначительной. Эвакуировались, в первую очередь, а другой ввиду экстремальных условий эвакуации фактически не было, специалисты и высококвалифицированная часть рабочих коллективов промышленных предприятий.

Городское население сибирских городов за годы войны увеличилось, но в целом к концу 1945 г. общая численность населения Сибири уменьшилась. Сразу с окончанием войны была возрождена практика целенаправленного воздействия на обеспечение роста численности населения Сибири. Промышленность Сибири в первое послевоенное десятилетие являлась одной из основных базовых опор восстановительных процессов экономики на территориях, освобожденных от немецкой оккупации. Этой новой ролью Сибири определялась практика реэвакуации промышленных предприятий и их трудовых коллективов. Последние по кадровому составу рабочих обратились в значительной мере в сибирские, поскольку формировались в годы войны из местной городской и сельской молодежи, трудомобилизованных с большой долей женщин. Было ясно, что возвращение эвакуированных предприятий по месту прежнего размещения на длительное время выключит их из производственного процесса. Поэтому большая их часть в том или ином виде осталась в сибирских городах.

С окончанием войны и спадом крайнего напряжения усилий чрезвычайные формы и методы максимального извлечения трудовых ресурсов из составляющих демографического потенциала не могли быть морально оправданы и продолжены без серьезной их коррекции. Да, и в практическом, житейском плане их продолжение было невозможным, во всяком случае не настолько эффективным, чтобы, как говорится, игра стоила свеч. Под переходом, как тогда выражались, на рельсы мирного развития, обычно подразумеваются конверсионные процессы в экономике, в производственной, промышленной сфере. Однако, если не в первую, то, в любом случае, не в последнюю очередь на так называемые рельсы мирного развития совершенно естественно стремилось перейти и возвращалось население. Люди, жившие и трудившиеся во имя победы в войне, теперь вправе были получить возможность устраивать свой семейный очаг.

О несовместимости экстраординарных решений военного периода с естественными демографическими процессами свидетельствовали многообразные реалии: отток из производственной сферы женщин-матерей, трудомобилизованных, пенсионеров, несовершеннолетних, молодых людей, ориентированных на приобретение среднего специального и высшего образования и, в конечном счете, общее истощение местных ресурсов рабочей силы. Демобилизация армии возвращала в Сибирь лишь ничтожную часть изъятой в годы войны массы мужского населения. Фактически демобилизованные фронтовики не возмещали очередной убыли мужского населения Сибири, призванного в послевоенные годы в вооруженные силы.

Мужская молодежь 1927 и следующих годов рождения, призванная в 1946–1948 гг. на действительную службу в послевоенную Советскую армию, оказалась надолго законсервированной солдатским мундиром. Первые поколения послевоенных призывников в Советскую армию оказались вынужденными находиться под ружьем дополнительно два–три года сверх действовавших сроков срочной службы.

Показатели брачности, по сравнению с годами войны, заметно повысились. Однако и в этой сфере проявлялись последствия войны. Остатки мужского населения в диапазоне активных возрастов (до

середины 1920-х годов рождения), вернувшегося живыми с войны, оказались слишком малы, чтобы на длительное время восполнить ущемленный за годы войны процесс детородности.

С окончанием Второй мировой войны страны-победительницы и затем – побежденные вступили в процесс так называемого компенсационного подъема рождаемости. В отличие от аналогичной ситуации после Первой мировой войны на этот раз компенсационный рост рождаемости продолжался нестандартно долго. Особенно выразительные хронологические и количественные параметры компенсационного роста рождаемости наблюдались в США, прошедших через войну с наименьшими потерями демографического потенциала. Принято считать, что послевоенный компенсационный рост рождаемости в США, получивший название бэйби-бума, продолжался с 1946 г. до середины 1960-х годов. В период 1946–1964 гг. в США ежегодно регистрировалось от 3,4 млн до 4,3 млн рождений. В итоге за 18 лет бэйби-бума население США увеличилось примерно на 75 млн человек. Феномен американского бэйби-бума определялся широким спектром многообразных факторов: от морально-психологических до социально-экономических. Не принижая бесспорно важного значения высокого морально-психологического настроя общественного сознания нации, победившей в жестокой войне, правомерно и справедливо будет констатировать, что феномен американского бэйби-бума был опосредованным результатом экономического развития США. Во время войны США являлись своеобразным военно-экономическим арсеналом. В послевоенный период экономика США прибавила обороты за счет рынка не только государств-агрессоров, но и союзных стран-победительниц. Послевоенный экономический бум был благодатной почвой для бэйби-бума. Достаточно большое количество высокооплачиваемых рабочих мест освободило людей от стресса едва закончившейся в предвоенные годы Великой Депрессии. Военный и послевоенный экономический прогресс в США совпал по времени со вступлением в репродуктивный возраст женщин и мужчин предыдущего компенсационного подъема рождаемости, наблюдавшегося в 1920-е годы после окончания Первой мировой войны.

Динамика послевоенного экономического развития США вселяла уверенность в завтрашнем дне, в будущее и, более того, реально проявлялась в быстром повышении уровня жизни массовых слоев населения. Под воздействием не бывалого ранее, во всяком случае, не доступного прежде для подавляющего большинства населения высокого уровня доходов весьма быстро сложился новый стандарт жизни. Весьма приличная заработная плата позволила одному работающему прокормить, одеть и обуть 3–4-х детей, получить кредит на приобретение дома в пригородной зоне. Высокая заработная плата и уверенность в завтрашнем дне воздействовали также на снижение возраста брачующихся, сокращение времени первого деторождения и паузы между последующими. Высокая реальная заработная плата стимулировала молодых людей к более раннему вступлению в брак, обеспечивала уверенность в прочном материальном обустройстве семейного образа жизни. Высокий материальный достаток всегда является благодатной почвой для консерватизма. В послевоенных США он весьма четко проявился в идеале американской семьи. Модные в довоенные годы рассуждения о перспективе эмансипации женщины, о карьерной женщине-труженице, на равных с мужчиной участвующей в общественном производстве, отошли в прошлое. Послевоенный так называемый средний американец олицетворял прекрасную половину общества в образе женщины-матери, женщины-домохозяйки, хранительницы семейного очага.

Бурному росту рождаемости в США в послевоенный период благоприятствовали практически все составляющие социально-экономического развития страны. Несомненно, важное значение имел и тот факт, что в сравнении с другими странами-участницами Второй мировой войны США пришли к победе с ничтожными потерями демографического потенциала и не затронутыми разрушениями материальными ресурсами. Скорее наоборот, последние за годы войны наращивались с беспрецедентной стремительностью и динамичностью.

Главная тяжесть людских потерь и разрушительных последствий в сфере материального производства выпали на долю Советского Союза. Из большого числа многообразных факторов и условий, стимулировавших и реально облегчавших рост рождаемости в США, в

российской послевоенной действительности присутствовал, пожалуй, только один – морально-психологический. Победа в войне окрыляла надеждой на лучшую жизнь. И хотя было ясно, что до этой лучшей жизни путь неблизкий, в России, как и в других странах, вышедших из войны, сработал механизм компенсационного роста рождаемости.

Увеличение уровня рождаемости как тенденция обнаружилось уже в последний год войны. В 1944 г. произошло 2374,2 тыс. рождений, на 122,3 тыс. больше, чем в самом низком по рождаемости 1943 году. В 1945 г. число рождений выросло до 2727,7 тысяч.

В результате демобилизации армии, перевода ее на штатную численность мирного времени от солдатского мундира к сентябрю 1946 г. освободилось около 7 млн мужчин. И затем до конца 1947 г. – еще примерно 1,5 млн человек. В итоге процесс компенсационного роста рождаемости приобрел параметры, сопоставимые с рождаемостью наиболее благополучных предвоенных лет. В 1946 г. родилось 4037,9 тыс. чел., в 1948 г. – 4840,9 тысяч. В 1949 г. уровень рождаемости вышел на высшую отметку – 31 родившийся на 1000 женщин детородного возраста. В последующие пять лет уровень рождаемости постоянно снижался, но составлял более 26 рождений на 1000 женщин. В итоге к середине 1950-х годов была восстановлена довоенная численность населения СССР. За период 1948–1954 гг. прирост абсолютной численности населения СССР составил 17,924 тыс. чел., по другим данным, более близким к официальной статистике, прирост составил 18,200 тыс. человек. В следующее пятилетие 1955–1959 гг. процесс снижения уровня рождаемости складывался с нарастающим ускорением.

Причин для снижения рождаемости было много. И каждая из них имела самостоятельное значение. Но главные заключались, вероятно, в следующем. «Залповая» рождаемость первых послевоенных лет была напрямую связана с демобилизацией армии, почти восстановившимся балансом женского и мужского населения, высокой степенью брачности и, соответственно, реализацией отложенных в годы войны и объективно невозможных рождений. Этот ресурс рождаемости работал в продолжение четырех–пяти лет, но к началу 1950-х годов явно обозначились признаки его исчерпания. Медленное, но неуклонное снижение рождаемости после 1949 г. можно объяснить постепенным угасанием эйфории от победоносного окончания войны и надежд на радикальное улучшение материальных условий жизни. Высокая рождаемость и детность в жилищах барачного типа, в перенаселенных коммунальных квартирах, с заработной платой «от получки до получки», в условиях постоянного дефицита продуктов питания, промышленных товаров и прочего тотального дискомфорта не имела шансов на значительную продолжительность.

Материальные составляющие, конечно, улучшались, но столь медленно и с таким запозданием, отставанием от семейных потребностей, что в результате высокая рождаемость и детность невольно клонились к падению. Выражаясь современной лексикой, так называемая адресная социальная помощь в виде единовременных и ежегодных денежных пособий семьям, имеющим шесть и более детей, была больше символической, чем материальной. Учрежденные в 1944 г. награды: мать-героиня, ордена и медали материнской славы, разумеется, были еще дальше от материальных потребностей многодетных семей. В отличие от американского бэйби-бума, компенсационный подъем рождаемости в СССР оказался без необходимого материального обеспечения. Достаточно, по-видимому, сказать, что жилищные условия – основная составляющая семейного быта – в послевоенном СССР, несмотря на начинания в области жилищного строительства, до конца 1950-х годов оставались на уровне 1926 года. В среднем на одного городского жителя приходилось менее 4 $м^2$ общей жилой площади. Экономический потенциал страны, ориентированный, главным образом, на производство средств производства, оказался крайне неприспособленным к расширенному воспроизводству народонаселения – основы развития производительных сил. В итоге продолжение компенсационного послевоенного подъема рождаемости по аналогии с американским бэйби-бумом оказалось весьма проблематичным и практически невозможным. Спад рождаемости диктовался самой жизнью и становился объективной неизбежностью.

На снижение рождаемости, несомненно, воздействовали серьезные положительные сдвиги в медицинском обеспечении материнства. Государственный патернализм материнства, оказавшийся экономически несостоятельным для того, чтобы пролонгировать высокую послевоенную рождаемость существенным повышением доходов

семейного бюджета, обратился к медицинским, здравоохранительным средствам разрешения проблемы роста демографического потенциала. В результате форсированного развития медицинских и здравоохранительных структур детская смертность в период 1947–1953 гг. снизилась больше, чем вдвое, примерно, в такой же пропорции – на 46 % снизилась общая смертность населения. Успехи в области сокращения детской смертности и по-прежнему весьма невысокий уровень семейного достатка работали в одном направлении, их равнодействующая снижала уровень рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости в 1953 г. возвратился на уровень 1948 г. – 2,8 рождения на одну женщину. В отличие от СССР, в США этот показатель в 1957 г. составлял 3,1 рождения на одну женщину и только в 1977 г. снизился до 1,7 рождения.

Послевоенный компенсационный подъем рождаемости в СССР отличался от американского бэйби-бума не только более короткой продолжительностью и суммарным коэффициентом рождаемости. Не менее важное и далеко не позитивное отличие заключалось в качественных характеристиках рождаемости. Производительная база рождаемости и в целом масса рождений, справедливо будет сказать, была ущербной. Значительные контингенты физически наиболее здоровых мужчин пали смертью храбрых на полях сражений. При этом наибольшие потери пришлись на поколения мужчин 1921–1925 гг. рождения – 4,2 млн человек. Селекция войной не обошла стороной и женщин этих же годов рождения, за время войны их потери составили 1,4 млн человек. Оставшимся в живых на фронте и в тылу победоносная война, конечно, не прибавила здоровья. Послевоенный рацион и объем питания подавляющей массы населения мало отличался в лучшую сторону от времени войны. Неурожай 1947 г. еще больше усугубил и без того крайне бедную продовольственную базу населения. Счастливое детство для младенцев, появившихся на свет во второй половине 1940-х годов, и семейное счастье для их молодых родителей начиналось с полуголодного существования. Это поколение по объективным физиологическим основаниям, несмотря на многочисленность, по определению, не могло быть жизнестойким и долго живущим. В сегодняшней высокой смертности именно они составляют главную величину ее роста. Как говорится, от худого семени не бывает доброго племени.

В производственной сфере, в первую очередь в промышленности и строительстве, образовалась ситуация глубокого дефицита рабочей силы.

Восстановление демографического потенциала до абсолютных параметров предвоенных лет и возвращение его в режим устойчивого развития в основном завершилось к середине 1950-х годов. При этом наряду с повысившейся во второй половине 1950-х годов нормой естественного прироста численности населения получила продолжение и развитие практика организованной «накачки» Сибири миграционными потоками. Принципиальная схема организованного набора рабочей силы для строек и промышленных предприятий Сибири работала на двух основных энергетических элементах: стимулировании материально-бытовыми гарантиями и воззвании к чувствам патриотизма, гражданского долга, моральным, общественным обязательствам, гордости за причастность к великим свершениям. Одной из первых такого рода крупномасштабных акций стала реализация разрабатывавшейся еще в довоенные годы программы крупного гидроэнергетического строительства, осуществление которой до конца 1970-х годов производилось с нарастающим размахом. Затем в 1954–55 гг. последовало освоение целинных и залежных земель, на непродолжительное время «подпитавшее» убывающую численность сельского населения. В начале 1960-х годов началось освоение нефтегазовых месторождений на Севере Западной Сибири, сопровождавшееся мощным миграционным притоком. В 1974 г. продолжилось законсервированное первый раз в декабре 1941 г. и затем вторично – в начале 1950-х годов, сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Одновременно с этими и другими подобного масштаба так называемыми великими стройками коммунизма в целом удовлетворительно осуществлялись ординарные, рутинные мероприятия в области модернизации основных фондов промышленного и сельскохозяйственного производства, в строительстве, на транспорте и в связи. Все они в той или иной мере сопровождались механическим приростом численности населения Сибири.

С 1 января 1935 г. была разрешена свободная продажа хлеба, что стало большим событием для населения. Один из ведущих партработников Красноярска П.Ф. Грошев вспоминает, с каким волнением ждали этот день руководители города, озабоченные прежде всего тем, что граждане сметут все запасы с прилавков и вновь возникнут перебои со снабжением. «Разве можно забыть радостные и немного удивленные лица людей», – так описывает он день начала свободной продажи хлеба[88].

С 1 октября 1935 г. введена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение 1936 г. постепенно были отменены карточки на промышленные товары[89]. С отменой карточной системы постепенно происходит переход к нормальной торговле. Коммерческая торговля и обычная торговая сеть были вновь воссоединены, при этом единые цены устанавливались примерно на среднем уровне тех и других цен.

Все это имело большое экономическое и политическое значение: повышалась роль зарплаты в стимулировании труда, снималась одна из острых проблем, вызывавших недовольство населения и подрывавших престиж СССР в глазах всего мира. Появление товаров в свободной продаже снизило уровень цен на рынках: к концу 1936 г. он понизился почти наполовину по сравнению с 1934 г.[90]

Однако отмена карточной системы не означала, что отныне проблемы со снабжением рабочих были решены. Те или иные формы нормированного снабжения продолжали сохраняться, довольно часто возникала и проблема дефицита: то вдруг исчезали из продажи швейные иголки, то обувь, а то еще какая-то нужная мелочь. Нормального обеспечения всех потребностей по-прежнему не было, хотя после мытарств карточной системы положение в конце 30-х годов могло казаться терпимым.

В целом государство на протяжении 30-х годов проводило политику сознательного ограничения потребления населения, по существу действуя согласно известному девизу – «пушки вместо масла». В конечном итоге отставание в развитии социальной сферы нанесло колоссальный ущерб России.

* * *

В ряду материальных потребностей жилищные условия являются в числе основных, существенно влияющих на уровень и образ жизни людей. Жилище является пространством, где, собственно, и разворачивается бытовая жизнедеятельность людей, где проходит большая часть внепроизводственного времени. Тип и благоустройство жилья, его размеры, обстановка жилища составляет важную часть характеристики быта людей.

Жилищный вопрос в Сибири не сходил с повестки дня в течение 20–30-х гг. И жилищный вопрос достался советской Сибири по наследству еще от царского режима. В конце XIX – начале XX века в городах Сибири уже наблюдался острый жилищный кризис[91]. В этот период развитие капитализма в России проходило только начальную стадию, на которой ни капиталисты, ни государство не заинтересованы были строить жилье для рабочих. Типичным явлением в городах того времени были пролетарские окраины или слободки, застроенные лачугами, землянками. В лучшем случае крупные фабрики строили для рабочих бараки и казармы, которые вряд ли можно рассматривать как нормальное жилище. Скорее, это спальни-склады, где рабочая сила «складировалась» на время, не занятое производством.

За годы мировой и гражданской войны значительная часть даже этого примитивного жилья обветшала или была разрушена. Все это порождало тяжелую ситуацию с жильем для рабочих. Так, например, в Иркутске в 1921 году только 16 % рабочих имели собственные дома, остальные же ютились в трущобах пролетарских окраин, снимали угол у местных жителей или имели место на нарах в бараках. Комиссия, обследовавшая в 1922 году шахты Кузбасса, сделала вывод об ужасающих жилищных условиях рабочих. Так, например, в Прокопьевске только 2 % работавших имели какие-то приемлемые жилищные условия, остальные ютились в землянках, вагончиках, бараках и т.п.[92]

Приток населения в города Сибири как из центральной части страны в связи с лишениями и голодом, так и из сибирской деревни, еще более усугублял жилищный кризис. Только с 1923 по 1926 гг. население 30 городов Сибири выросло на 158,9 тыс. человек. В результате на одного жителя городов Сибири приходилось в 1926 г.

только 4,8 кв. м жилья, в то время как в среднем по стране этот показатель составил 5,86 кв. м[93].

Представление о наличии и качестве жилья можно составить, например, по данным обследования в 1926–1927 гг. социально-бытовой среды рабочих подростков Омска. В ходе обследования изучались условия жизни 266 рабочих семей, из них в отдельной квартире жили только 16 %, 58 % имели комнату в общем помещении, 19 % занимали более одной комнаты, 65 %семей проживали в общем помещении с другими посторонними людьми. Около 80 % обследованных семей имели на одного человека всего от 1 до 6 кв. м жилплощади. 44,3 % обследованных семей отметили сырость в занимаемом жилом помещении, 47,6 % жаловались на холод. Скудной и часто убогой была обстановка в жилище: стол, скамьи и табуреты, полати и нары, деревянные или иногда железные кровати. Из числа обследованных подростков 27,6 % спали на полу, 21,6 % – на общих нарах[94]. Во многих районах Сибири ситуация была аналогичной или еще хуже: так в Черемховском угольном бассейне 90 % шахтерских семей имели лишь одну комнату[95].

Многие рабочие, недавно приехавшие в город, нанимали жилье в домах частного сектора. В крупных быстрорастущих городах цены на снимаемое жилье были очень высокими. В 1927 г. в Новосибирске, например, плата за арендуемое жилье была выше, чем в Бийске, в 3,6 раза, в Иркутске – в 3 раза, в Барнауле – в 2,2 раза и составляла 15–20 рублей[96].

Крупные предприятия имели в своем распоряжении фонды, из которых предоставляли рабочим жилье, но их возможности в этом отношении были довольно скудны. В 1928 г. на предприятиях окружной промышленности было представлено жилье лишь 17,5 % рабочих, краевой промышленности – 31,3 %, предприятиях союзного значения, т.е. самых ведущих – 75,6 %[97].

Разворачивающийся процесс ускоренной индустриализации, рост численности рабочих и городского населения при медленных темпах жилищного строительства и слабом финансировании не позволяли улучшить обеспеченность жильем. ВЦСПС в 1927 г. в докладе СНК СССР отмечал: «Современное состояние жилищного вопроса характеризуется падением из года в год среднедушевой нормы жилплощади. В наиболее тяжелых жилищных условиях при этом

оказываются промышленные рабочие»[98]. В мае 1927 г. при СНК СССР была образована специальная комиссия по жилищной политике[99]. При местных советских органах создавались комитеты содействия строительству рабочих жилищ[100]. В решениях XV съезда ВКП(б) подчеркивалось: «Ввиду крайней остроты жилищного кризиса... чрезвычайное внимание следует уделить жилищному рабочему строительству»[101]. 4 января 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о жилищной политике, в котором намечалось развертывание жилищного строительства для рабочих. Особое внимание при этом обращалось на развитие жилищной кооперации[102]. Для решения острых проблем на предприятиях создавались фонды улучшения быта рабочих (ФУБРы).

В 20–30-х годах в Сибири большое внимание уделялось индивидуальному строительству жилья. Недостаток средств у государства, острота жилищной проблемы делали этот вид строительства одним из главных. Индивидуальным застройщикам выдавались ссуды, оказывалась помощь в получении стройматериалов и т.п. Жилой фонд городов Сибири в значительной мере рос за счет индивидуального строительства: так, в 1927г. оно дало 70,3 % всей построенной жилплощади, в 1928 г. – 73,3 %[103]. Дома индивидуальной застройки были основным типом жилых строений в сибирских городах. Так, в Барнауле в 1931 г. они составляли 75 %, в Новосибирске – 67,7 %, в целом по городам Сибири – 72,8 всего жилого фонда. Более 70 % рабочих Сибири в конце 20-х – начале 30-х годов проживало в домах индивидуального сектора. Только к концу 30-х годов в связи с возрастанием объемов государственного строительства доля индивидуального сектора сократилась до 40–50 %[104].

В процессе развития индустриализации рост численности рабочих значительно опережал ввод нового жилья. Так, если жилая площадь основных городов Кузбасса за 1927–1930 гг. выросла в 2 раза, то численность населения – почти в 3 раза. В итоге на начало 1931 г. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м жилой площади на человека[105]. Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где в индустриальных районах на человека приходилось 2,0–2,5 кв. м жилья[106].

Особенно трудным было жилищное положение рабочих на новостройках Сибири. Жили в бараках, землянках, палатках, шалашах. Обстановка была минимальной: нары для сна, печь для обогрева,

зачастую не хватало столов и стульев. В бараках «Сибкомбайна», например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 кв. м жилья[107]. Строительство начиналось на необжитых местах, большинство рабочих размещалось в бараках, землянках, немногим удавалось снимать жилье в близлежащих населенных пунктах. В бараках, рассчитанных на 30–40 человек, жило 80 человек. В целом в первые годы строительства Кузнецкого комбината 95 % рабочих жило в бараках и землянках[108]. В бараках были заняты под жилье все подсобные помещения: сушильные, умывальные комнаты и т.п. Спали на топчанах, часто не было даже матрацев, не говоря уже о постельном белье. Не хватало столов, табуреток. В бараках разводились насекомые, проводившаяся дезинфекция помогала слабо[109]. В 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 кв. м жилплощади, только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т.п.[110]

Вынужденной мерой в этих условиях стал провозглашенный строительными органами курс на возведение жилищ, так называемого, облегченного типа: дощатых, землебитных, саманных и т.п. Очевидно, что для суровых условий Сибири эти жилища мало подходили, но в тот момент главной задачей было дать рабочим хоть какую-то крышу над головой.

Поразительно, что даже в таких условиях рабочие не только работали, но часто показывали чудеса трудового героизма. Конечно, было недовольство и возмущение, протесты рабочих, но в целом атмосфера революционного энтузиазма все-таки помогала рабочим даже в таких условиях не терять веры в то, что они строят лучшую жизнь, что их жертвы и страдания не напрасны. Долготерпение рабочих вызывало удивление даже у партийных работников. Секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) С. Шварц, побывавший зимой 1932 г. на строительстве завода горного оборудования, был буквально потрясен увиденным. Большинство рабочих жило в палатках, землянках, на склонах оврага р. Каменки возник целый «копай-город». Жить в таких условиях в лютую сибирскую зиму казалось невозможным, но люди все же продолжали как-то существовать. Переполненные немногочисленные бараки представляли собой скопище людей, все спали вповалку: семейные, холостые, дети. В бараках сви-

репствовали эпидемии тифа и холеры, грязь и антисанитария были ужасающими. Возмущенный и озадаченный секретарь горкома воскликнул: «Странно, что рабочие не бузят»[111].

Состоявшееся в феврале 1932 г. обсуждение на заседании горкома ВКП(б) положения с жильем на строительстве ЗГО выявило типичную для тех условий ситуацию. Директор строительства Прудников заявил, что из центра требуют прежде всего пустить завод, а жилье построить когда-нибудь потом. На жилищное строительство не отпускается достаточно ни финансов, ни стройматериалов, каждый вагон кирпича приходится выбивать в Москве. При этом все ссылаются на опыт Кузнецкстроя: там, дескать, тоже было трудно, но комбинат построили[112].

За годы первой пятилетки происходило постоянное снижение обеспеченности жильем. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 кв. м жилья, в 1930 г. – 4 кв. м, в 1931 г. – 3,8 кв. м, в 1932 г. – 3,6 кв. м[113]. Этот уровень был, конечно, весьма далек от удовлетворения нормативных потребностей рабочих в жилье.

Во второй половине 30-х годов жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться, так как, например, в Кузбассе, где острота жилищной проблемы была просто вопиющая, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 годах только 15–25 % шло на строительство жилья. В результате такой политики, по данным на 1937 г., 89 % всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. В Прокопьевске количество землянок достигало 2500, в Новокузнецке более половины работников КМК размещалось в бараках[114]. В Барнауле на окраине пос. Ильича раскинулась пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-город», продолжали существовать землянки и в других частях города[115].

Добротные каменные здания в городах Сибири в это время были довольно редки. Так, в городах Новосибирской области только 2,8 % жилого фонда составляли каменные строения, в Ленинске-Кузнецком из общего жилого фонда их было 7 %[116]. Среднедушевая обеспеченность жильем в Сибири была очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на 1 жителя приходилось 3,2 кв. м жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1 кв. м, в Красно-

ярске – 2,8 кв. м, в Ленинске-Кузнецком, Игарке – 2,5 кв. м[117].

Все эти данные говорят сами за себя: основная масса рабочего класса Сибири жила тесно, в плохих, неблагоустроенных помещениях, постоянно испытывая недостаток жилищного пространства, а в случае проживания в бараках была лишена и элементарной возможности иметь частную жизнь, домашнее хозяйство. Конечно, прежде всего проживание в бараках и общежитиях было уделом молодых, одиноких рабочих, но и для семейных часто создавались такие же экстремальные условия.

Правда, следует отметить значительное улучшение жилищных условий определенной части рабочих. Это коснулось ударников, стахановцев, которым вне очереди предоставлялись благоустроенные квартиры во вновь строящихся домах. Получение жилья на предприятиях находилось под контролем партийных, профсоюзных, комсомольских органов.

В целом объем жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн кв. м, т.е. в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза[118]. За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн кв. м, в городах Восточной Сибири – 3,3 млн кв. м жилья[119]. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн кв. м в 1932 г. до 3,8 млн кв. м в 1937 г.[120] Все это свидетельствовало об интенсивном строительстве в городах Сибири, хотя рабочим, естественно, доставалась только часть жилья, необходимо было обеспечивать им также все возраставшую прослойку служащих. К тому же число рабочих возрастало значительно быстрее, чем возможности получения жилья.

Надо отметить, что по городам России положение с жильем оставалось также крайне напряженным. Средняя обеспеченность жильем жителей городов дореволюционной России (6,3 кв. м в 1913 г.) была восстановлена лишь в 1940 г.[121]

* * *

Домашнее хозяйство рабочих Сибири, а также коммунальное хозяйство сибирских городов в течение 20–30-х годов претерпело некоторые изменения, связанные с индустриализацией и обусловлен-

СОДЕРЖАНИЕ